

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-21-32

УДК 372.882

О.В. Чагина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Языковые особенности сказовой манеры И.С. Шмелева

Аннотация. В статье дается лингвостилистический анализ романа И.С. Шмелева «Лето Господне». Цель работы – аналитическое прочтение романа и полное понимание текста учащимися. В статье рассматриваются особенности сказовой манеры романа Шмелева, проявляющиеся в установке на устность и социально определенную речь. Анализируются характерные черты сказа, проявляющиеся в романе на всех уровнях языка: в фонетике, лексике, грамматике, синтаксисе. Анализируются типы просторечий, проявляющиеся в нарушении норм литературного языка. Приводятся примеры диалектизмов и народной этимологии. Рассматриваются повторы как средство фольклорной стилизации. Уделяется внимание наименьшим единицам языка – суффиксам. Передаются особенности речи проживающих в Москве иностранцев. Рассматриваются союзы как средство связи фрагментов текста. Обращается внимание на роль интонации в создании сказовой манеры романа. Объясняются условия употребления некоторых пунктуационных знаков, обусловленные характером интонации. Анализ языка романа ведется с позиции практической работы преподавателя-словесника. Излагаются принципы анализа и даются методические рекомендации по прочтению текста на занятиях. Утверждается целесообразность пошагового, медленного, или филологического, чтения. Использование текстуально-аналитического метода при изучении романа И.С. Шмелева «Лето Господне» позволяет сделать вывод о признании его национального своеобразия, о передаче через язык духовных ценностей русского народа.

Ключевые слова: художественный текст, анализ лексики романа «Лето Господне», характерные черты сказа, стилистические особенности романа, филологическое прочтение текста, национальное своеобразие литературного произведения

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Чагина О.В. Языковые особенности сказовой манеры И.С. Шмелева // Литература в школе. 2024. № 4. С. 21–32. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-21-32

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-21-32

O.V. Chagina Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Language features of the tale-telling manner of I.S. Shmelev

Abstract. The article provides a linguostylistic analysis of the novel “Summer of the Lord” by I.S. Shmelyov. The purpose of the work is an analytical reading of the novel and final understanding of the text by pupils. The article examines the main features of a storytelling manner of I.S. Smelyov’s novel which are manifesting in the setting for an orality and a socially definite speech. The peculiar features of the narration, which are revealing themselves on all levels of the language: phonetics, vocabulary, grammar, and syntax, are being under analysis. The types of vernaculars which are revealing themselves in violation the norms of a literary language are being the object of the analysis as well. The examples of dialects and folk etymology are given. Repetitions are considered as a means of folklore stylization. The attention is paid to the smallest language units – suffixes. The features of speech of foreigners who lived in Moscow are being reproduced in the novel. The conjunctions are being considered as a means of connection of the text fragments. Special attention is paid to the role of intonation in creation of a storytelling manner of the novel. The condition of use of some punctuation marks which stand for the specifics of intonation are being explained in the article. The analysis of the language of the novel is being realized from the position of practical tasks of a language and literature teacher. In the article, the principles of the analysis are shown and the methodical recommendations are given for reading the text at the lessons. The relevance of a slow, step by step, philological reading is being proved. The use of a textual-analytic method when studying the novel “Summer of the Lord” by I.S. Shmelyov allows us to acknowledge its national uniqueness, the transference of the spiritual values of Russian people via the language.

Key words: literary text, analysis of the lexis in the novel “Summer of the Lord”, peculiar features of the narration, stylistic features of the novel, philological interpretation of the text, national uniqueness of a literary work

CITATION: Chagina O.V. Language features of the tale-telling manner of I.S. Shmelev. *Literature at School*. 2024. No. 4. Pp. 21–32. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-21-32

Имя И.С. Шмелева стоит в одном ряду с именами выдающихся писателей, продолжающих традиции русской классической литературы – А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.И. Куприна. В 2023 г. исполнилось 150 лет со дня рождения И.С. Шмелева. Наиболее известное его произведение – роман «Лето Господне». Оно входит в программу обучения филологов в российских вузах и в школьные программы. При этом в рамках школьных программ изучению романа И.С. Шмелева отводится ограниченное время, хотя интерес к его творчеству велик. Расширить представление об этом писателе возможно не только на уроках, но и за счет внеурочной работы, которая помогает учащимся осознать, какие языковые средства используются Шмелевым для изображения окружающего мира.

В эмиграции, во Франции, где оказался Шмелев после революции 1917 г., он не терял духовной связи с родиной, томился тоской по «потерянному раю». Роман «Лето Господне» был задуман как цикл очерков о жизни милого его сердцу Замоскворечья, где оживали впечатления детства, хранимые в его душе.

Роман написан в сказовой манере. «Литературная энциклопедия терминов и понятий» дает следующее определение этого сказа: «Сказ – форма повествования от лица персонажа-рассказчика»¹. Н.А. Кожевникова расширяет это определение, подчеркивая, что сказ предполагает установку на «устность и социально ориентированную речь» [5, с. 296].

Роман во многом автобиографичен. Фигура повествователя выступает в двух планах. В одних главах

рассказчик – шестилетний ребенок – рассказывает о том, что его окружает. В других это уже взрослый, вспоминающий о далеком прошлом. Его рассказы обращены к конкретному адресату. Это крестник Шмелева, Ив Жантийом. К нему непосредственно обращается автор («Ивушка», «милый мальчик», «ты, брат»). Речь повествователя предполагает наличие слушателя, учитывает его реакции («Видишь?», «Ты знаешь?..»).

Изложение ведется в форме сказа, с установкой на устную речь. Здесь преобладают простые предложения, глагольные и номинативные, отсутствуют причастные и деепричастные обороты. Из сложных предложений употребляются бессоюзные; редко встречаются сложноподчиненные.

Отнесенность действия к прошлому определяет выбор видовременных форм глагола. При описании происходящего взрослым рассказчиком часто встречается глагол *бывало* давнопрошедшего времени в безличной форме: «На Театральной площади, *бывало*, – лес»; «В Сочельник, под Рождество, *бывало*, до Звезды не ели» [11, с. 120]. В изложении преобладают глаголы настоящего времени несовершенного вида в значении «настоящее историческое»: «А мороз такой, что воздух *мерзнет*. Инеем *стоит*, туманы, дымно. И *тянутся* обозы – к Рождеству» [Там же]. Вместе с тем нередко встречаются и глаголы будущего времени совершенного вида в значении «обычное, типичное действие»: «Калитку *тронешь* – так и *осыплет* треском» [Там же]; «В мясных, *бывало*, до потолка *навалют*, словно бревна, – мороженые свиньи» [Там же]. Возможно также сочетание в одном предложении глаголов совершенного и несовершенного вида: «Валенки

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 990.

наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок – мороз и не щиплет» [11, с. 120].

Из личных форм глагола обращает на себя внимание частое употребление 2-го лица настоящего времени в обобщенно-личном значении: «*Идешь из церкви – все другое*»; «*Форточку откроешь – резанет, ожжет морозом*» [Там же].

В описаниях ситуаций глазами мальчика преобладают глаголы «настоящего актуального»:

«*Отец сходит с пролетки, быстро идет по лестнице, весело говорит: “Обедать скорей, есть хочу... ботвинью не забыли?..”*»

Все бегают, тормошатся, гремят тарелки, звякают-падают ножи. <...> Отец сбрасывает парадный сюртук, надевает чесучовый свеженький пиджак, только что выглаженный Машей, весело *потирает* руки, оглядывая веселый стол» [Там же, с. 401].

Весь жизненный уклад обитателей Замоскворечья был подчинен годовому православному циклу. В «Лете Господнем» воссоздается атмосфера религиозных праздников. Все главы насыщены религиозной лексикой. Вот лишь один пример из главы «Рождество»: *Рождество, Святая звезда, Сочельник, Всенощная, образа, лампадка, кутья, взвар, поститься, разговеться, волхвы, ясли* и др.

Почему это важно для учащихся? Представляется справедливым утверждение Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, подчеркивавших, что если в недавнем прошлом «из учебного материала изгонялся лексико-фразеологический пласт, имевший, как казалось, хоть в какой-то мере религиозную окраску», то, как бы «по-церковному» ни звучали эти слова, «это выражения не только религиозной

нравственности, но и национального мироощущения» [3, с. 232, 233].

Перед читателем проходит целая галерея лиц разных сословий и званний: купцы, торговцы, мастеровые, мещане, солдаты, странники, священнослужители, «прогорелый барин», женщины и дети. Живая многоголовая Россия предстает перед нами.

Большое место в романе занимает **просторечие**. Фрагменты книжного языка повествователя сочетаются в романе с просторечными формами. Они в изобилии встречаются, например, в сцене «святое приставление», которое мальчишки устраивают для хозяев: *стречайте, приючайте, волхи питушествоуют*, и в песне, которую поют мальчишки:

Ирод ты Ирод,
Чего ты родился,
Чего не хрестился,
Я царь Ка-стинкин,
Маладенца люблю,
Тебе голову срублю.

[11, с. 124]

Весьма выразительна речь старого Горкина, в которой фрагменты высокого книжного языка выступают на фоне устной простонародной речи с соответствующими ей лексикой, словообразованием, фонетикой: *жись вечная, воскурю имианы, Ердань, Ирусалим-град, от садов Ифсеманских, Григорий Кесарейский, фарисеи стали серчать*.

Просторечная лексика может составлять в романе целые синонимические ряды. Показательна в этом плане сцена в главе «Крещение», где Горкин пытается удержать ребенка от соблазна надеть на себя личину непонятого зловещего существа. В этой сцене представлены две лексико-семантические группы с общим

значением «лицо». С одной стороны, это слова с отчетливо выраженной экспрессивной негативной семантикой – *огненные маски, морда, рожа, харя, личина, образина*. Другую группу составляют слова, имеющие позитивную коннотацию – *лицо, личико, образ-подобие*: «...Таращатся огненные маски – хитрая лисья *морда* и румяная *харя*, которую не любит Горкин, <...> – “Не поганься, *харь* не нацепляй... Погляди-ка, чья *харя*-то... После нее *личико* святой водой надо. *Образ-подобие*, а ты поганое нацепляешь... *Личико* у тебя чистое, хорошее, а ты поганую *образину*... тьфу!..”. Горкин плюет на *харю*» [11, с. 153–154].

При всем разнообразии просторечий в «Лете Господнем» их можно систематизировать и классифицировать. Опыт такой классификации изложен в нашей статье «Стихия народной речи в повести И.С. Шмелева “Лето Господне”» [9]. Основываясь на этой классификации, назовем следующие разряды просторечий.

В «Лете Господнем» просторечие прежде всего проявляется в **лексике**. Это лексика двух типов.

Во-первых, это исконно русские слова в просторечном употреблении: *завиствовать, сумлеваться, сердчать, пужать, опростать, обещаться, кажный, опосля, вчерась, нонче, давеча, к завтрему, утресь, навсягды, наскрозь, тама, таперича, счумел* – «Счумел ты, глупый?» [11, с. 427]; «*Навсягды* оправдаюсь, Михал Панкратыч» [Там же, с. 186]; «Крещенский сочельник *нонче*, до звезды не едят» [Там же, с. 153].

Во-вторых, это искаженные иностранные заимствования в речи малограмотных людей: *струмент, планты, транспарат, купидом, карактер, польцимейстер, дилижан, лиминация, лепетиция, синдирей, паншет, розбив, слонофил, фиверки, резонт* – «“Ты, Крынкин... *сло-но-фил!*” <...> Так *слоно-филом* и останусь по гроб жизни!» [Там же, с. 405]; «Ишь, *резонт* какой!» [Там же, с. 427].

Значительная часть просторечного произношения связана с **фонетическими** изменениями, возникающими в результате влияния звуков друг на друга. Просторечных форм такого рода в «Лете Господнем» огромное множество. Отметим наиболее распространенные из них.

- Диссимиляция – расподобление артикуляции двух одинаковых звуков: *ярмонка, слободно, пролубь, листоран, альхитектор, тронбовать, шинпанское, аменины, леестр* – «Я те, самовольник, в *пролуби* искупаю» [Там же, с. 181]; «Весело у нас, постомто? А? Как *ярмонка*» [Там же, с. 47]; «Мартын ... не хуже *альхитектора*» [Там же, с. 87]; «Денис меня угостил для *аменин*» [Там же, с. 185].
- Ассимиляция – артикуляционное уподобление друг другу однотипных звуков: *куфня, маненько* – «Сушусь *маненько* <...> сохну у огонька» [Там же, с. 186]; «У меня воздух особый здесь, – со всех полей-огородов тянет... А с Москва-реки – раками живыми, а из *куфни* – вареными-с, понятно, рябчиками, цыплятками паровыми...» [Там же, с. 404].
- Протеза – появление добавочного звука в абсолютном начале слова для облегчения произношения. Протетическое [j] часто появляется перед гласным [э]: «Не забывай *этого*» [Там же, с. 123], «Поедем-ка лучше в Сад-*Ермитаж*» [Там же, с. 375]. Протетический согласный [в] может появляться перед гласными [о], [у]: «*Вострый* народ, *смышленный*» [Там же, с. 188].

- Метатеза – взаимная перестановка в слове звуков или слогов: *тверезый, крылос* – «Пьяницы даже понимают, а уж *тверезии...*» [11, с. 189]; «В церкви, у левого *крылоса*, наша верба» [Там же, с. 339].
- Эпентеза, т.е. вставка – возникновение в слове дополнительного звука: *ндрав, ндравиться, энтоп, тиятр, окиян, кивот, тротувар, менувет, кумпол, галдарейка*: «Очень я им пондравился» [Там же, с. 22]; «Долго стояли мы у окон *галдарейки* и любовались Москвой» [Там же, с. 410].
- Усечение гласного в абсолютном начале слова: *Лександр, рихметика, ранжеря, ердань, Ерусалим* – «А етот кузовок, сударыня, в ручки примите-с... Крынкинская клубника, *ранжерейная*» [Там же, с. 408]; «Крестного на *Лександру Невского* поздравлять пойдем» [Там же, с. 274].
Значительная часть ошибок в речи персонажей романа Шмелева лежит в области **морфологии** и **словообразования**. Перечислим наиболее распространенные из них.
- Неверное определение рода существительных приводит к использованию ненормативного окончания: «Мы стоим у *бассейны*» [Там же, с. 292]; «Возьмут тебя в *училицу*» [Там же, с. 107]; «В два *дни* работу покончим» [Там же, с. 188].
- Часты ошибки, связанные с неправильным употреблением формы родительного падежа множественного числа: «*Чудесов* тут нет» [Там же, с. 25]; «В тыще *местов* был» [Там же, с. 99].
- Ошибочное склонение несклоняемых существительных «ландо», «пальто»: «На гулянье в колясках ездят, а то в *ланде*» [Там же, с. 338].
- Ненормативное склонение существительных на *-мя* «пламя», «время», «стремя»: «Выпал из седла, нога в *стреме* застряла» [Там же, с. 381]; «Ну, пудинги понятно, с *пламем*. Да уж, послов кормил» [Там же, с. 271].
- В употреблении личного местоимения *он* устраняется начальное протетическое [н] в косвенных падежах (*у его, у ей, под им, с ей, с ими*): «Какую глотку-то на их надо» [Там же, с. 100]; «С *ими* как надоть?» [Там же, с. 81].
- В употреблении притяжательных местоимений используются просторечные формы *ихний, ейный*: «*Ихней* рыбы не найдем – сомовины возьму» [Там же, с. 271]; «Для *ихнего* сыру – рябчиков тертых» [Там же, с. 271].
- В области словообразования часты ошибки в употреблении сравнительной степени наречий с основой на согласные *к, г, х* (*мельчей, побойчей, ходчей, жарчей, жальчей, покрепчей, потишей*): «*Жарчей* нажаривай, под тридцать градусов накатило» [Там же, с. 153]; «Я *потишей* буду» [Там же, с. 199].
- Нередко встречаются ошибки, связанные с неправильным выбором префикса: *вспросют, стречать, беспрременно, несвычный, починать, зачинать, проздравлять, скричу, споккой, смерзлый, повзвеселились*: «Они тебя *вспросют*, а ты и не скажешь» [Там же, с. 108]; «Из кухни кричит Гаранька: «*Эй, зачинаю* расстегаи!»» [Там же, с. 170].
- В употреблении глаголов часто встречаются ошибки в образовании форм императива – *сворачь, погодь, слушь-ка, покажь, положи, не трожь*: «*Сворачь!.. сворачь*, те говорю» [Там же, с. 184]; «*Погодь*, прынца

тебе посватаем» [11, с. 203]; «Что будет, *слушь-ка*» [Там же, с. 148].

- Широко распространены запрещающие нормой случаи употребления деепричастий на *-миш(сь) – выпимши, одемши, не знамши, узнамши*: «А уж мы-то как горевали, *узнамши-то*» [Там же, с. 403]; «А мы-то как горевали, столько *не видамши*» [Там же, с. 399].

Наряду с просторечием в повести звучит и **диалектная речь**. Это владимирское оканье Горкина («Вот умница... и млОденец, а умней Ондрейки-дурака» [Там же, с. 80]; «*Орбузы* у него *рассахарные*» [Там же, с. 109]) и костромича Василь Василича («*Огурцы* да *кОпустку ОхОчи* трескать»; «Ведро четыре *рОбятам* надо бы...» [Там же, с. 322]).

Возможно также и произнесение слов с мягким *Г* как мягкое *Д* в слове «ангел». Тамбовский мужик на Конной площади расхваливает свой товар, мерзлых поросят: «Звонкие-молошные!.. не поросятки – а-нделы!..». Горкин пеняет тамбовскому, – «рыжая борода»: не годится так, ангелы – святое слово. Мужик смеется: «Я и тебя, милый, *а-нделом* назову... у меня ласковой слова нет. Не черным словом я – *а-ндельским!*..» [Там же, с. 287]. Интересно, что и сегодня в средней полосе России недостаточно грамотные люди старшего поколения иногда произносят нормативные слова «ангел», «гимнастика», «киоск», «кефир» как *андел, димнастика, тиоск, тefир*.

Вместе с тем в романе Шмелева встречается и обратное явление: слова «театр» и «аппетит» произносятся как *кياتр* и *апекит*. Вот кучер едет встречать господ «у *кياتра*» [Там же, с. 145]. А старики, всю жизнь прожившие в лесу, «очень нашу кар-

тошку одобряют... слаже, говорят, сахару... ну, и картошечка... в самый-то *апекит*» [Там же, с. 331].

Ряд просторечных слов в романе связан с **народной этимологией**. Горкин незнакомое для него слово «студент» произносит как «скудент», – видимо, соотнося его внутреннюю форму с понятным ему словом «скудный»: «К скудентам своим ступай, бунтуй, они те курятиной кормить будут» [Там же, с. 86].

Интересно, что в разных изданиях эти слова Горкина даются по-разному: в «правильной», нормативной форме: «к студентам...» [10, с. 340], и в «нелитературной» [11, с. 86]. Е.А. Осьминина, занимающаяся текстологическим анализом романа, восстанавливает авторский вариант – «скудент», что высвечивает его внутренний насмешливо-иронический смысл [7].

Вот еще примеры народной этимологии. Немца Людвиг Карловича, любителя зимних купаний в проруби на Москве-реке, москвичи называют не иначе, как *Ледовик Карлыч*. Неясное слово «пиджак» становится понятным, если сблизить его со словом «спина» – *спинжак*. Слово «клирос», восходящее к греческому, т.е. «часть, надел», в просторечии звучит как «крылос», поскольку говорящие соотносят его внутреннюю форму с крыльями птицы: «У левого *крылоса* стоят ширмочки, и туда ходят по одному со свечкой» [11, с. 325].

Автор не только воспроизводит речь коренных жителей разных областей России, но и язык проживающих в Москве иностранцев с учетом их фонетических, грамматических и лексических характеристик: «Тофольно коледно... сфешо» (немец Ледовик Карлович) [Там же, с. 162]; «Ядовитый змеиный голова... Очень

жютки» (садовник-немец) [11, с. 415]; «Будете быть молодец», «Буду увидеть завтра» (англичанин Клинтон) [Там же, с. 386]. Выразительна и речь цирюльника Сай Саича, «выкреста» из кантонистов. Он «не говорит, а зююкает: «...нисево-с, выздоровлите-с, мы вас в самого молодого зениха сделаем зараз. И цего зе ви Сай Саица не скликали, ссетинку такую запустили...» [Там же, с. 393].

Обращают на себя внимание **повторы** – один из основных приемов фольклорной стилизации. Они встречаются буквально на каждой странице романа.

Основную группу повторов составляют субстантивные дублетные обороты, начиная с традиционных обрядовых формул «хлеб-соль» и «мед-пиво». Так, на хозяйские именины Горкин предложил испечь двухпудовый крендель, «будто *хлеб-соль* подносим» [Там же, с. 231]; «Три ящика горшановского *пива-меда* привезли для народа» [Там же, с. 237].

Традиционные «общие» формулы, приложенные к конкретным ситуациям, можно продолжить авторскими дублетными оборотами. Подробно они описаны в нашей работе [8, с. 445–447]. Это, во-первых, обороты, представленные конкретными предметными именами: *глухаритетерки, куры-утки, индейки-гуси, чай-шоколад, сахарок-лимончик, кеки-пряники, соусы-подливки, волован-огратен*. Показательно, что в исконно русские обороты внедряются иноязычные вкрапления: «На какие-то *кеки-пряники* ананасов затребовал»; «А подать мне *чаю-шоколаду*». Характерно также, что дублетные обороты этой группы передают значение не конкретных продуктов и блюд, а их большого количества, что под-

держивается в предложении разными лексико-грамматическими средствами. Среди них – широкое использование форм множественного числа (*каперсы-оливки, соусы-подливки, грузди-рыжики*): «После заливных, *соусов-подливок* <...> подают, по заказу от Абрикосова, вылитый из цветных леденцов душистых <...> жив ой “Кремль”» [11, с. 256]. Наряду с этим значение большого количества усиливается введением в предложение местоимений *какие-то, всякие, эти, эти там*: «На столе – заливное со *всякими* лимончиками-морковками» [Там же, с. 242].

Использование дублетных оборотов находит продолжение и в современной речи. Достаточно вспомнить названия специализированных магазинов: «Овощи-фрукты», «Рыба-мясо», «Грибы-ягоды». Эти названия иногда становятся объектом языковой игры.

Среди субстантивных дублетных оборотов многочисленную группу составляют структуры, представленные высокой книжной лексикой: *серафимы-херувимы, победа-одоление, свет-разум, звон-чудо, звон-виденье, волхвы-мудрецы, вертеп-пещерка, напев-молитва*: «Такого пения, говорили, еще и не слышали: будто все *серафимы-херувимы* трубили с неба; <...> и я будто увидел *вертеп-пещерку*, ясли и пастырей, и волхвов, и овечки будто стоят и радуются. Кланюшка мне пошептал: – А если бы Христа не было, ничего бы не было, никакого *света-разума*, а тьма языческая!» [Там же, с. 292].

Велика в романе и группа глагольных дублетных оборотов: *славим-носим, звенит-гудит, поглаживают-жгутся, приходят-уходят, трещат-пылают, говорили-жалели*:

«Мы Христа *славим-носим*, у хозяев ничего не просим, а чего дадут – не бросим» [11, с. 125].

Широко распространены субстантивные тавтологические дублетные обороты типа *слон слоном, гора горой*: «Глядим, и отец дьякон от Спаса в Наливках, в енотовой огромной шубе, *слон слоном* <...>. Встречаем и Домну Панферовну, заматана шальями, *гора горой*, обмерзла» [Там же, с. 288].

Встречаются в романе и обстоятельные тавтологические дублетные обороты *полным-полно, черным-черно*: «В церкви *полным-полно*» [Там же, с. 292]; «Снегу не видно – завалено народом, *черным-черно*» [Там же, с. 287].

Особую группу составляют фразеологизированные обороты из двух повторяющихся лексем, составляющих первую часть сложного предложения, которая присоединяется к последующей части союзами *а, да и...* Например: «*Плохо-плохо, а две-три тушки свинных необходимо*» [Там же, с. 284]. Или: мужик, поймавший паренька, укравшего гуся, «выхватил у него гуся да в нос его мерзлым горлом гусиным <...>. *Потыкал-потыкал*, да и плюнул, связываться не время» [Там же, с. 289].

Национально-культурный компонент заложен и в таких наименьших единицах языка, как **суффиксы**. Среди существительных суффиксального способа образования в «Лете Господнем» большую долю составляют деминутивы. Их число едва ли не больше, чем количество бессуффиксных имен. Деминутивы в романе выступают в разных функциях. Прежде всего это указание на малый размер чего-либо: «Папашенька миндального молочка *чуточку* отпил

[Там же, с. 460]; «...Отпиваю и бархатного *глоточек*, дозволил Горкин» [Там же, с. 190].

Помимо этого, деминутивы у Шмелева приобретают ярко выраженные стилистические коннотации с разными компонентами значения – эмоционального, экспрессивного, оценочного, социального. Чаще всего стилистические коннотации выступают в ситуациях, где на первый план выходит ласкательный оттенок значения: «*Бобиков сладких, сударик*, покушайте» [Там же, с. 432]; «А вот лесная наша *говядинка*, *гриб* пошел» [Там же, с. 49]; «...с *хлебушка-то* здоровее будешь, кушай. И *зубки* болеть не будут» [Там же, с. 146].

Наиболее часто в романе употребляются деминутивы с суффиксом *-ец*, придающим высказыванию особо высокую степень экспрессивности: «*Изюмцу-то* не скупись – подкидывай!» [Там же, с. 78]; «Я не хочу *бульонца*, а как все» [Там же, с. 146]; «*Кутья* у него священная, пахнет будто *ладанцем*» [Там же, с. 158].

Деминутивы часто становятся стилистической доминантой целых фрагментов текста, например: «На уголке *лавчонка*, без дверей. Торгует *старичок* в тулупе, жметя. За мерзлым *стеклышком* – знакомый ангел с золотым *цветочком*, мерзнет. Осыпан блеском. Я его держал недавно, трогал пальцем. Бумажный ангел. Ну, *карточка*... осыпан блеском, *снежком* как будто. Бедный, мерзнет. Никто его не покупает: дорогой. Прижался к *стеклышку* и мерзнет» [Там же, с. 121].

Стилистический аспект изложения часто определяется взаимодействием лексико-грамматических средств и **интонации**. Так, в предложениях с местоименным словом *какой*, произнесенных с интонацией ИК-5

(термин Е.А. Брызгуновой) [2, с. 83], дается эмоциональная оценка явления: «Перед Рождеством <...> на рынках, на площадях – лес елок. А *какие елки!* Этого добра в России сколько хочешь» [11, с. 119]; «А звезд все больше. А *какие звезды!* Усатые, живые, бьются, колют глаз» [Там же, с. 120]. Здесь ИК-5 воспринимается как оценочная интонация, выражающая восхищение.

Эффект звучащей речи достигается также за счет повторения повествователем вопросов, заданных ему слушателем по ходу рассказа. При этом рассказчик повторяет вопрос слушателя в редуцированной форме с интонацией ИК-3 [1, с. 115]: «*Сбитень?* А такой горячий, лучше чая» [11, с. 119]; «*Обоз?* Ну, будто поезд... только не вагоны, а сани» [Там же, с. 118]. В случаях такого рода первоначальный вопрос слушателя легко восстанавливается из контекста: что такое *сбитень* (*обоз*, *чугунка*)?

Немалую роль в таких ситуациях играет и многоточие, обозначающее паузу, когда рассказчик, повторив вопрос ребенка, как бы собирает мысли, обдумывая ответ: «*Волсви?... Значит, мудрецы, волхвы*» [Там же, с. 121]; «*Почему боятся?* А стыдно им... злые такие были» [Там же].

Характер интонации определяет условия употребления и других пунктуационных знаков, например: тире. Тире часто используется в предложениях разного синтаксического устройства, как в простом («В доме – Рождество», «Березы – белые виденья» [Там же, с. 120]; «Небо – в дыму – лиловое, в огне» [Там же, с. 119]), так и в сложном бессоюзном («Горкин сидит перед железной печкой, греет ногу – что-то побаливает она у него, с мороза, что ли» [Там же, с. 290]).

Сказовая манера повествования у Шмелева проявляется и в **синтаксисе текста**. Один из наиболее устойчивых способов развития повествования – соединение фрагментов текста с помощью союза *и*: «Приходят с разных концов Москвы всякие бедняки *и* старинные люди <...>. *И* они прознали, очень жалеют-сокрушаются <...>. *И* маслица с мошей принесли, *и* кусочки Артоса, *и* водицы святой, крещенской <...>. *И* все-то советуют то-се» [Там же, с. 377].

Новый поворот темы, выделение какого-то ее другого аспекта обозначается с помощью союза *а*: «...*И* все-то советуют то-се. Кто – редечный сок натошак пить, кто – кислой капустой голову обкладывать, *а* то лопухом тоже хорошо, *а* то пиявок за уши припустить, *а* к пяткам сухой горчицы... *А* докторов не слушать. Они вон говорят, нонче голову даже разывают и мозги промывают, *а* вылечить не могут» [Там же, с. 376–377].

Известный исследователь творчества Шмелева О.Н. Михайлов, размышляя о «Лете Господнем», писал: «Как ни густо выписан живописный быт, художественная идея, из него вырастающая, летит над бытом, приближаясь уже к формам фольклора, сказания <...>. В совокупности все подробности, детали, мелочи объединяются внутренним мирозерцанием Шмелева, достигая размаха эпоса, мифа, яви-сказки. Это позволяет автору в «Лете Господнем» и «Богомолье» в поэтических обобщениях отображать уже такие высокие категории, как нация, народ, Россия» [6, с. 19]. Это размышление О.Н. Михайлова точно передает своеобразие сказа Шмелева, вобравшего в себя все богатство русской речи.

«Лето Господне» состоит из отдельных глав, структурно самостоятельных и сюжетно завершенных. Выбор той или иной главы для внеаудиторных занятий осуществляется произвольно с учетом интересов группы. Основной принцип анализа – методика медленного, пошагового, или, по определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [3, с. 236], а также М.И. Гореликовой [4, с. 7], филологического прочтения текста.

Шмелев освоил огромный массив русской речи. Задача преподавателя-русиста – заинтересовать учащихся, вступающих в творческий мир писателя, прививать чувство стиля, навыки анализа художественного текста.

Использование текстуально-аналитического метода при изучении романа И.С. Шмелева «Лето Господне» позволяет сделать вывод о его национальном своеобразии. Он концентрирует в себе черты национального духа русского народа и в этом качестве не теряет своей значимости и сегодня. Ежегодно в России проводится Международный детско-юношеский литературный конкурс имени Ивана Шмелева «Лето Господне». За годы своей работы он стал явлением в нашей культуре. В 2024 г. проводился очередной, десятый по счету. Его география охватывает сегодня не только регионы России, но и Беларусь, Казахстан, страны дальнего зарубежья.

Библиографический список

1. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация устной речи. М., 1969.
2. Брызгунова Е.А. Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста. М., 1979. С. 78–90.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. (Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного). М., 1990.
4. Гореликова М.И. Интерпретация художественного текста. Лингвистический анализ. Из русской прозы 70–90-х годов XX века. М., 2002.
5. Кожевникова Н.А. Пути развития сказа в русской прозе XX в. // Синтаксис текста. М., 1979. С. 276–298.
6. Михайлов О.Н. Иван Шмелев // Шмелев И.С. Избранное. М., 1989. С. 3–20.
7. Осминина Е.А. Радости и скорби Ивана Шмелева // Шмелев И.С. Лето Господне. СПб., 2012. С. 5–14.
8. Чагина О.В. Дублетные обороты в повести И.С. Шмелева «Лето Господне» // Слово. Грамматика. Речь: сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2019. Вып. XX. С. 445–447.
9. Чагина О.В. Стихия народной речи в повести И.С. Шмелева «Лето Господне» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. № 3. С. 58–68.
10. Шмелев И.С. Избранное. М., 1989.
11. Шмелев И.С. Лето Господне. СПб., 2012.

References

1. Brizgunova E.A. Zvuki i intonatsija ustnoi rechi [Sounds and intonation of oral speech]. Moscow, 1969.
2. Brizgunova E.A. Semantic interaction of sentences. *Syntaksis texta*. Moscow, 1979. Pp. 78–90. (In Rus.)
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Jazik i kultura. (Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazika kak inostrannogo) [Language and culture. (Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language)]. Moscow, 1990.

4. Gorelikova M.I. Interpretatsija khudozhestvennogo teksta. Lingvisticheskii analiz. Iz russkoi prozi 70–90-kh godov XX veka [Interpretation of the literary text. Linguistic analysis. From Russian prose of the 70–90s of the XX century]. Moscow, 2002.
5. Kozhevnikova N.A. The development of the tale in Russian prose of the XIX–XX century. *Syntaksis texta*. Moscow, 1979. Pp. 276–298. (In Rus.)
6. Mikhailov O.N. Ivan Shmel'jov. *Shmel'jov I.S. Izbrannoje*. Moscow, 1989. Pp. 3–20. (In Rus.)
7. Osmirina E.A. Joys and sorrows of Ivan Shmelev. *Shmel'jov I.S. Leto Gospodne*. St. Petersburg, 2012. Pp. 5–14. (In Rus.)
8. Chagina O.V. Doublet turns in the story by I.S. Shmelev “Summer of the Lord”. *Slovo. Grammatika. Rech. Sbornik nauchno-metodicheskikh statei po prepodavaniju RKI*. Moscow, 2019. Vol. XX. Pp. 445–447. (In Rus.)
9. Chagina O.V. The element of folk speech in I.S. Shmelev’s story “Summer of the Lord”. *Social sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*. 2023. No. 3. Pp. 58–68. (In Rus.)
10. Shmel'jov I.S. *Izbrannoje* [Selected works]. Moscow, 1989. (In Rus.)
11. Shmel'jov I.S. *Leto Gospodne* [Summer of the Lord]. St. Petersburg, 2012.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024, принята к публикации 25.06.2024

The article was received on 25.05.2024, accepted for publication 25.06.2024

Сведения об авторе / About the author

Чагина Ольга Всеволодовна – кандидат филологических наук; доцент кафедры русского языка как иностранного филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Olga V. Chagina – PhD in Philology; Assistant Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: aichagin@mail.ru